

С.В. Жиликов
S.V. Zhilyakov

ПОЭТИКА СТИХОТВОРНОГО «ВОСПОМИНАНИЯ»: ОСНОВНЫЕ ЖАНРОВЫЕ АТТРИБУТЫ

POETICS OF POETIC "MEMORIES": THE MAIN GENRE ATTRIBUTES

В статье исследуется стихотворное «воспоминание». Поэтика его непосредственно связана с генетическим источником – элегией, мотив которой присутствует в структурно-содержательном единстве произведения. В мнемонической основе жанра в стихотворном «воспоминании» преобладает, лучше сказать довлеет, ретроспективная рефлексия, направляющая лирический субъект вглубь автобиографической экзистенциальной истории, которая и выступает предметом воспоминания. Само же воспоминание как психический процесс в силу заданной автором самодостаточности обладает способностью быть своего рода поступком, выраженным в слове (перформативом), сходным с иллокутивным актом – прагматическим речевым высказыванием, интегрирующим в свое целое одновременно субъект, объект, цель коммуникации, тематический образ. Этот особый (субстанциональный) статус утверждает жанровую автономность стихотворного «воспоминания», эмансипированного от элегии на определенном этапе исторического развития последней (в русской литературе – первая треть XIX века), регламентирует состав его содержания. Его особенность в том, что мотивный состав в условиях относительно свободной рефлексии стихотворного «воспоминания» оказывается разнородным, однако достаточно определенным, задающийся темой и ретроспективной репрезентацией времени. Так, на основе анализа нескольких произведений жанра выясняется, что непосредственным и частым «участником» событий прошлого в стихотворном «воспоминании», помимо элегического, является идиллический мотив и хронотоп со свойственными для них локусами уютного домашнего уголка детства, поэтизацией спокойной жизни на лоне природы («Воспоминание» Ф.Н. Глинки), на фоне которых часто выделяется образ дома, с которым связана ностальгия лирического «я» по прошлому и который выступает символической психологической защитой личности от внешних неблагоприятных обстоятельств жизни. Последние эксплицируются в жанровом мотиве баллады, нередко структурно-семантически противостоящем идиллической умиротворенности, вызывающем контрастирующее по отношению к нему внутреннее чувство напряжения и тревоги («Воспоминание» И.А. Бунина). Присутствие же вальетного мотива в исследуемом жанре оказывается порождением тематического регламента воспоминания о любовном расставании («Воспоминание» Я. Полонского, «Воспоминание» М. Кузмина). Перечисленные жанровые атрибуты в различных вариациях составляют поэтику стихотворного «воспоминания».

Ключевые слова: стихотворное «воспоминание», жанровый мотив, поэтика, идиллия, элегия, хронотоп.

The article explores the poetic "memory". Its poetics is directly connected with the genetic source – elegy, the motive of which is present in the structural and meaningful unity of the work. In the mnemonic basis of the genre, in the poetic "memory", retrospective reflection prevails, or rather dominates, directing the lyrical subject deep into the autobiographical existential history, which acts as the subject of remembrance. Memory itself as a mental process, due to the self-sufficiency set by the author, has the ability to be a kind of act expressed in a word (performative), similar to an illocutionary act – a pragmatic speech utterance integrating into its whole at the same time the subject, object, purpose of communication, thematic image. This special (substantial) status asserts the genre autonomy of the poetic "memories", emancipated from the elegy at a certain stage of the historical development of the latter (in Russian literature – the first third of the XIX century), regulates the composition of its content. Its peculiarity is that the motivic composition in the conditions of relatively free reflection of the poetic "memories" turns out to be heterogeneous, but rather definite, set by the theme and retrospective representation of time. So, based on the analysis of several works of the genre, it turns out that the direct and frequent "participant" of the events of the past in the poetic "recollection", in addition to the elegiac, is an idyllic motif and chronotope with their characteristic loci of a cozy home corner of childhood, poetization of a quiet life in the bosom of nature (F.N. Glinka "Memories"), on against the background of which the image of the house often stands out, which is associated with the nostalgia of the lyrical "I" for the past and which acts as a symbolic psychological protection of the individual from external unfavorable circumstances of life. The latter are explicated in the genre motif of the ballad, often structurally and semantically opposed to idyllic tranquility, causing an inner sense of tension and anxiety contrasting with it ("Memories" by I.A. Bunin). The presence of the farewell motif in the genre under study turns out to be a product of the thematic regulation of the memory of a love breakup ("Memories" by Ya. Polonsky, "Memories" by M. Kuzmin). The listed genre attributes in various variations make up the poetics of the poetic "memories".

Key words: poetic "memories", genre motif, poetics, idyll, elegy, chronotope.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-56-1-47-55

Оправным пунктом в развитии стихотворного «воспоминания» в русской поэзии можно считать «Воспоминание» (1828) А. Пушкина. Несмотря на то, что в нем имеются очевидные признаки элегии, в числе которых экзистенциальная тоска по недостаточности «внутренней заданности бытия (я) относительно его внешней границы» [16, 70], «хронотоп уединения» [16, т. 1, 71], отражающий социальное отчуждение лирического «я» по причине его опустошенности, непроясненности [17, 9], оно все же обладает рядом особенностей, позволяющих говорить о вызревании в его лоне стихотворного «воспоминания». К ним относится художественная самодостаточность психологического процесса воспоминания (то, что О.В. Зырянов называет «феноменологизацией жанрового сознания», когда динамика «жанра протекает в творческом сознании поэта» [8, 11]) – такая, что, будучи представленная в персонифицированном виде, подчиняет без остатка лирическую рефлексию произведения. Субстанциональность психологического процесса, конечно, веский, но недостаточный критерий, по наличию которого можно судить о жанре стихотворного «воспоминания», поэтому ниже речь пойдет о той совокупности атрибутивных показателей, которые так или иначе на постоянной (или акцидентной) основе присутствуют в поэтике жанра, делая ее узнаваемой.

Начнем *ab ovo* (с самого начала) – с заголовка, которым, как известно, часто маркируется жанр. Такие имена существительные, называющие лирические произведения, как *напутствие, наставление, поучение, напоминание, воспоминание*, принадлежат к разряду отвлеченных/абстрактных, выражающих «понятия, обозначающие действие или признак в отвлечении от действующего или носителя признака» [2, 465]. «Оязыковленные» ими явления и процессы «приобретают исключительно антропоцентрическую природу <...>, имеют преимущественно интроспективную сущность» [1, 83], содержатся исключительно в фокусе экзистенциально-феноменологического измерения сознания автора, лишены конкретно-предметного референта в действительности. В них, думается, поэтому запечатлены не только наименования коммуникативных актов и сам их результат. В таком виде они, похоже, становятся номинацией иллокутивных (речевых) актов,⁶ выражающих одновременно говорение и само его намерение, цель и замысел. Такой своеобразный «поступок словом», эксплицирующий слово как действие [11], переносит это свойство на целостное высказывание, являющееся в нашем случае произведением. В связи с чем организация художественного материала, продуцируемая высказыванием «воспоминания», предполагает особую конституцию поэтики произведения, рефлексия которого концентрируется на самом психологическом акте, перенесенном на язык художественной литературы, под влиянием которого оказывается и субъект лирической речи, и объект. Так как воспоминание, исходя из вышесказанного, в экзистенциальном аспекте способно пролонгировать жизнь субъекта, то время в нем обладает особенностью удлинять впечатления прошлого, застывшего в событии, что подчеркивается наложением глагольных перфектов. Это одно из атрибутивных свойств жанрового стихотворения на уровне грамматики текста.

Действительно, сам процесс воспоминания как основной замысел произведения начинается с заголовка, образующего с основным текстом (например, в «Воспоминании» Ф. Глинки первая строка, следующая после заголовка, начинается с показательной манифестации «Я вспоминаю сенокосы...») органическое художественное целое. Можно сказать, что само произведение является развернутым продолжением заголовка, в котором уже звучит жанровое задание, понятное автору и читателю.

Являясь генетически связанным с элегией, «воспоминание» стихотворное в своей основе содержит медитативную рефлексия о прошлом, вбирает в себя автобиографические черты. Жанровая «концепция» его отражает мнемоническую реакцию на такое событие из прошлого, которое нередко вызывает переосмысление и ревизию ценностных жизненных установок лирического «я», способствующих становлению самосознания в качестве перформативного события. Как правило, стихотворное «воспоминание» не имеет регламентированного хронотопа по причине произвольности психического процесса самого воспоминания, отраженного в художественном материале. Однако и здесь есть свои детерминации и общие закономерности – маркеры, делающие узнаваемым произведение: время и пространство «действия» жанра часто обусловлены ностальгическим свойством человеческой психики, в соответствии с которым в памяти воспроизводятся родные места, близкие и родные люди («Я помню время золотое...» Ф. Тютчева; «Воспоминание. Австралия» И. Бродский.), примечательные события знакомства, встречи (И. Коневской «Воспоминание») и расставания (Я. Полонский «Воспоминание»), локусы детства («Воспоминание» И. Бродского, «Опять знакомый дом, опять знакомый сад...» Н. Огарева) и т.д. На этом имажинативном фоне особенно выделяется образ дома, его экстерьер и интерьер. В него, как в психологическое убежище сознания от жизненных невзгод, возвращается лирическое «я», словно руководствуясь тем, что первичной функцией дома

⁶ По Дж. Остину, глагол *упоминать*, являющийся синонимом *вспоминать /воспоминать*, от которого произведено отглагольное существительное *воспоминание*, классифицируется как экспозитив, использующийся «в актах объяснения...» [11, 126].

является «защита его обитателей» от опасностей «внешнего мира» [3, 134]. Так, в «воспоминании» встречаются следующие строки, связанные с образом дома и его дериватами. «Вспоминается... широкость вершин / Вязовых рощ по-над мельницей, и как во дворе...»⁷ («Воспоминание» Ф. Гельдерлина), «Я не забыл тебя, соседка городская, / Усадьба белая...» («Воспоминание» Ш. Бодлера), «Веет в *горницу* свежим дыханьем...» («Воспоминание» И. Бунина), «*Дом* был прыжком геометрии...» («Воспоминание» И. Бродского) и т.д.

Образ дома является в «воспоминании» производным от архетипического образа камня, конденсирующего мнемоническую рефлексию, что обуславливает его присутствие в жанре. Нередко вместо образа дома встречаются его дериваты. К примеру, в стихотворении «Я помню время золотое...» (1836) Ф. Тютчева он представлен руиной замка, «на мшистый опершись гранит» [20, 99] которого, стояла героиня, иллюстрируя таким образом причастность человека к памятному потенциалу истории.

Помимо «памяти элегии», которая, будто тень, сопровождает «воспоминание», часто в нем присутствует мотив идиллии. Например, «Я вспоминаю сенокосы...» Ф. Глинки мотивировано ценностной архитектурой идиллии, влекущей сознание лирического «я». Мнемоническая ценность идиллии ярче в контрастном противопоставлении природной размеренной жизни удручающему суетности урбанизму: «Вдали заботен темный город; / Но на покосах шелковых / Всяк беззаботен, бодр и молод / Под звуком песен удалых» [6, 123–124]. Антитеза подчеркнута на лексико-семантическом («заботен – беззаботен») и синтаксическом (противительный союз «но») уровнях.

В структурно-содержательное единство с первой строки стихотворного текста «Опять знакомый дом, опять знакомый сад...» (1856) Н. Огарева вплетается идиллический мотив, усиленный образом сада, отсылающего к метонимии Эдема, хотя, как видно из общего контекста произведения, лирическое «я», скорее, тяготится воспоминанием родных мест: «И все же здесь меня преследует тоска – / Припадок безыменного недуга...» [14, т. 2, 118]. Все же родные и милые воспоминанию образы дома и сада здесь оказывают терапевтическое (целечно-успокоительное) воздействие, подготавливают лирическое «я» к дальнейшему доверительному разговору с читателем.

Если идиллическому мировидению отвечает упоение внутренним порядком жилища, выраженное перформативом покоя и тишины [19, 20], любованием его убранства с преобладанием дескриптивного способа подачи лирической речи, то «воспоминанию» в большей мере импонирует представление целостного *нарративно-событийного* дискурса и соответствующего ему мирообраза, соотносимого чаще всего с уютным уголком детства, родными локусами и т.д., не изолированного от контекста экзистенциального бытия прошлого, а составляющего с ним единое органическое целое. Целостность «воспоминания» обусловлена вытекающими друг из друга событиями, действиями, возникающими в ходе непрерывного одноименного психического процесса, вызванного состоянием особой пассеистской рефлексии, пребыванием души в местах былых разочарований и приносящих радость обстоятельств.

Таким образом, можно сказать, что идиллия входит партикулярно в «воспоминание», представляясь его мотивом и отражая единство двух взаимосвязанных мироотношений [7]. Частным вариантом воспоминания, но не растянутого во времени,⁸ а воспроизводящего уже результат свершившегося действия памяти, является стихотворение с типологическим названием «Память». Оно может быть идентифицировано через отношение к жанрово определяемому «воспоминанию», поскольку обладает рядом тождественных с ним признаков, придающих ему эстетическую и эпистемологическую завершенность. Это, в

⁷ Здесь и далее курсив наш. – С.Ж.

⁸ По словам Р.М. Рильке, измеряющего жизнь («поэтическое жительство») в категориях экзистенциального, процесс воспоминания в одноименном стихотворении («Воспоминание») представляет собой «одно мгновенье», которое «безмерно жизнь удлинит» [12, 253].

первую очередь, интенция рефлексии лирического «я»: она имеет также ретроспективное экзистенциальное измерение [9, 98], сопровождающееся автобиографическими характеристиками. Во-вторых, в поэтике обнаруживает себя центральный образ дома, представленный родным локусом детства, на фоне которого происходит актуализация всего анamnестического контекста.

В частности, стихотворение «Память» современного белгородского поэта К. Трофимова иницируется данным образом, вписанным в идиллический хронотоп: «Я слышу не раскаты грома, / А эхо стихшее войны, / Стою взволнованный у дома / В объездах звездной тишины» [18, 218]. Находясь возле него, как укрытия, лирический субъект предается всякого рода мечтам и грезам, связанным с его личными переживаниями, поэтому закономерно, что воспоминания сопровождаются визионерскими мотивами: «Мне видятся среди дальних улиц / Их силуэты в полутьме» [18, 219]. (Речь идет о погибших солдатах – родных и близких лирическому «я»). Еще один маркер стихотворного «воспоминания» – архетипический образ камня, символизирующий и концентрирующий в себе энергию памяти, обычно представляемый рядом таких предикатов, как надгробие, монумент, собственно камень, памятный столб и т.д.; здесь ему соответствует памятный обелиск – сакральная инсталляция: «Пред ними, преклонив колени, / Застыл у обелиска я» [18, 219]. Наконец, заключительным аккордом звучат финальные стихи, наполненные основным патетическим смыслом: в нем сосредоточено ядро жанровой «концепции»: «Храним о них мы в сердце *память*, / О подвигах бессмертных их. / Меж плит вздымаясь, вьется пламя, / Мы *помним* всех их, как живых» [18, 219].

Простота формы и лексического состава слов организуются и упорядочиваются в стихотворную строку самым распространенным в русской поэзии размером 4-ст. ямба, семантизирующим возвышенное торжество заявленной в заголовке темы. Ему соответствует доверительная тональность лирического «я», с помощью которой оно делится с читателем дорогим сердцу воспоминанием.

«Воспоминание» И. Бунина, напротив, семиотически насыщено и осложнено, что отражено в связке мотивов – балладного и идиллического, разделяющихся образом рамы открытого окна – границей между враждебным (внешним) миром и локусом домашнего покоя, обусловленного имажинацией кровати и зажженных свечей: «Золотыми цветут острями / У кровати полночные свечи. / За открытым окном, в черной яме, / Шепчет сад⁹ беспокойные речи» [5, т. 1, 353]. Рубежному хронотопу, на котором сосредоточен фокус зрения лирического «я», соответствует медианное, по сути пограничное, время перехода – «полночь»; лучшее время, когда индийский принц Гаутама впадает в состояние нирваны, осуществляя начало пути Будды – «просветленного», когда появляется Вифлеемская звезда на ночном небе, возвещающая рождение-приход в мир Мессии – Христа и т.д. Вдобавок полночь – самое благодатное время, соотношенное в поэтическом сознании с творческим экстазом (ср.: «Когда я ночью жду ее прихода...»: «Муза» А. Ахматовой).

Если домашняя умиротворенность, составляющая структурно-образную основу идиллического мотива, ограниченную внутренним пространством родного очага (образ свечей здесь, вероятно, является его метонимией), сообщает внутреннему чувству лирического «я» ощущение покоя и защиты, передающиеся в свою очередь реципиенту стихотворной речи, то «законное» пространство выражено прямо противоположным балладным чувством тревоги, беспокойства, враждебности («черная яма»¹⁰, «беспокойные

⁹ Сад, думается, отсылает к образу самой первой в христианской традиции идиллической картины ветхозаветного рая с центральным образом Эдема.

¹⁰ Образ черной ямы наверняка соотносится в авторском сознании с образом бездны, онтологической «проваленности», пропасти. А сад, погруженный в черную яму, может интерпретироваться двояко: 1) грядущие культурно-социальные перемены, приводящие к потерянному раю (особенно актуально для финальной пророческой мысли о революции); 2) жанровая контаминация идиллии и баллады как смесь противоречивых чувств, являющаяся лейтмотивом всего произведения.

речи)). Оттого и образ свечей в первой катренной строфе коннотатирован «золотыми остриями», в динамике преобразующимися в «золотые цветы» (второй катрен).

В конце концов, очарованный «дрождью растущей» свечей «молодой, беззаботный» образ лирического «я» намекает на грядущие в скором будущем грандиозные общественные перемены, случившиеся с наступлением революции, сыгравшей, как известно, роковую роль в жизни поэта.

Таким образом, стихотворное «воспоминание» проникнуто глубокими личностными автобиографическими «думами» о прошлом («Молодой, беззаботный, с отрадной / Думой-песней о песне грядущей» [5, т. 1, 354]), получающими свое художественное воплощение в окружении идиллического и балладного мотивов, разделяющих симптоматическое для жанра домовое пространство (на «внутри» и «снаружи»), как и все произведение, – на две структурно-семантические сферы.

Наибольшее количество мотивов как элементов структурно-содержательного единства жанра стихотворного «воспоминания» выявляется в «Воспоминании» М. Кузмина. Источником мнемонического события в нем служит сцена прощания влюбленных, имитирующая фольклорный реминисцентный аналог. Для этого в ход идет использование таких литературных средств, как повторы и приемы стилистического удвоения (психологический параллелизм, анафоры, рефрены), которые являются не только инструментом выразительности, но еще выполняют структурно-жанровую роль, являясь своего рода знаками, межевými камнями, линиями разграничения разных текстовых образований (мотивов), входящих в состав произведения.

Элегическое введение, использующее прием психологического параллелизма, основанного на сходстве чувства тоски, возникающего от наблюдения картины увядания природы и любовного одиночества, иллюстрируется повтором на семантико-синтаксическом уровне: «Пожелтели листья в саду, покраснели, / по ночам мороз затягивает лужи...» [10, 156], которому вдобавок вторит квазианафора этих же стихов: «*Пожелтели – по ночам*». Утомительность ожидания возлюбленного в течение всего лирического сюжета удлиняется различными способами – от повторов созвучных аллитерациями и ассонансами глаголов, замыкающих сначала и конца строку: «Пожелтели... покраснели» до употребления избыточных слов и словосочетаний фольклорного происхождения: «Все гляжу...», «так все», «опять», «... уехал, где-то едет...» и рефренов: «Все гляжу за Волгу...» / «Как взгляну за Волгу...». Такое искусственное удлинение течения времени, его растягивание, способствует эффекту подражания психологическому процессу воспоминания, оно же является результатом присутствия жанрового мотива идиллии, симптоматичного для «воспоминания», а потому – не только по причине принадлежности произведения к поэзии XX века «приобретает черты пространственных искусств» [21, 8] – визуализирует природные просторы. Мотив идиллии оказывается вставленным в композиционную рамку рефренными строками: «все гляжу за Волгу, где леса чернеют / за широкой ramenью лугов и селений. / Милый друг уехал, где-то едет. / Как-то зиму долгую его прожду я! / Как взгляну за Волгу...» [10, 156]. Эффект инфляции времени переносится с лирической ситуации ожидания «милого друга» лирическим субъектом на центральную композиционную часть – мотива вальсы, возникающего в мнемоническом видении, также обрамленном рефренными стихами: «Как взгляну за Волгу, так опять все *вижу*... / "Прощай, наш голубчик!ов" / Как *взгляну* за Волгу...» [10, 156]. Используемый тонический ритм – сочетание дольника с тактовиком, стихи имитируют народные песни, посвященные теме разлуки с домом, любимой (Ср.: «Волга-матушка родимая течет, / Друга милого, касатика несет...»; «Собирался дорогой / Что на Волгу на реку...» [15, 142]), тем самым подкрепляют мнемоническое задание.

Наконец, четвертая, условно выделенная композиционная часть, заключает собственно воспоминание – с одной стороны она обрамлена уже известным рефреном: «Как взгляну за Волгу, так все *вспоминаю* и не оторваться, / и опять смотрю, и опять тоскую, / и на сердце разом так сладко и горестно» [10, 156]. Примечательно, что здесь мотив

воспоминания присоединяет элегический мотив, присутствие которого обозначено «общими местами» – автологической эмоцией тоски («тоскую»), смешением чувств («сладко и горестно»). Элегический мотив реализует мнемоническую стратегию по реконструкции жанрового генезиса, согласно которой стихотворное «воспоминание» «помнит» свой исход из лона элегии. Она же подчеркивается образованием композиционного элегического рондо произведения.

Таким образом, «Воспоминание» Кузмина представляет собой пространную – ввиду количественного применения мотивов – практическую реализацию исторического развития жанра, для которого характерен сплав мотивов элегии, идиллии, вальсы. В этом аспекте произведение, несомненно, использует механизм «памяти жанра», а в случае с реминисценцией фольклорного прототипа прощания с возлюбленным – и «память о жанре». Она ощущается рельефнее с использованием стилистических повторов, в одном из видов которых – рефрене – создается эффект звуковой выразительности через аллитерацию к, в, з, г, л, а («Как взгляну за Волгу...»), осуществляющий «расчет на непрерывное восприятие слова как звучащего» [4, 20], а также, вероятно, на запоминание.

Произведение буквально наполнено мнемоническими смыслами, оказывающимися принципиальными для поэтики стихотворения и исторической репрезентации жанра в целом. В частности, рефренные стихи – синтаксические повторы – выполняют ряд таких жанровых заданий: в структурно-композиционном плане разграничивают жанровые мотивы внутри художественного целого, в эстетико-психологическом аспекте ритуализируют чувства лирического «я».

Стихотворное «воспоминание» построено на максимальной имитации психологического процесса, в котором в единый комплекс оказываются связаны и сам речевой акт, и адресат, и адресант. Все средства, в особенности повторы на всех уровнях – лексико-семантическом, синтаксическом, фонетическом, применяемые автором для демонстрации длящегося во времени речевого акта «воспоминания», постоянно возвращающегося в ретенции к самому себе, свидетельствуют о возможности наделения произведения свойством субстанциональности – такой самодостаточности, которая равновелика художественной целостности. «Воспоминание» М. Кузмина органично воплотило жанровый инвариант в стихотворение. Однако в нем не заявлен и фактически отсутствует архетипический образ дома, представленный в иных версиях жанра. Несмотря на то, что «воспоминание» отягчено переживанием ситуации расставания, перманентно присутствующим в поэтике повторов, томление в ожидании долгожданной встречи выражает надежду на ее скорое осуществление также с помощью этих же стилистических средств.

В отличие от элегии, мнемонически скорбящей о невозможности преодоления своей конечности (предельности) в сравнении с бесконечностью бытия, стихотворное «воспоминание» отчасти разрешает данную дилемму посредством анамнеза того модуса прошлого, подпитывающего настоящее позитивными эмоциями надежды, ностальгии, желанием воссоздать утраченное, выраженными присутствием идиллического мотива. Это происходит благодаря использованию все тех же повторов.

Итак, в поэтике «Воспоминания» Кузмина имманентная память, использующая реминисценцию в качестве инструмента сохранения фольклорного источника (типичной ситуации расставания), внешне проявляющегося в поэтике повторов, взаимодействует с жанровой памятью, которая реализуется компоновкой мотивов элегии, идиллии, баллады, вальсы, собственно воспоминания и т.д.

Таким образом, осмысление стихотворного «воспоминания» в качестве лирической реализации развернутого иллокутивного акта дает основание говорить о его жанровой самодостаточности как действии, совершающемся высказыванием (перформатив) – с одной стороны. С другой, оно же предполагает, что художественная целостность произведения равновелика «воспоминаемой» картине реальности, которая будто конституируется языком, собирая воедино субъект и объект, чувства, события и предметы в фокусе ретенции, делая

различие между высказыванием и описываемой им действительностью весьма условным [13, 474]. Вследствие всего этого стихотворное «воспоминание» характеризуется рядом следующих присущих ему признаков. Ведущая психологическая реакция воспоминания на события прошлого, репрезентированная в ракурсе автобиографической ретроспективной рефлексии, обладает субстанциональностью, довлеет над иными эмоциональными состояниями, интегрируя их в себя. По этой же причине изучаемому лирическому жанру свойственна тематическая разомкнутость и гибкость, которые ограничены всего лишь мнемонической установкой, позволяющей ему сочетаться с другими жанровыми образованиями и элементами. Генетическая преемственность жанра от элегии по необходимости предполагает использование в структуре частоупотребительного мнемонического мотива, направляющего медитацию в экзистенциальное прошлое автора. По причине противоречивого характера самого феномена психического воспоминания – тематического ядра произведения, обладающего как позитивной (ностальгия, покой), так и негативной (тревога, обеспокоенность) интенцией, оно в своем составе содержит соответственно идиллический и балладный мотивы, инкрустированные в свою очередь образами и хронотопами – дома, родного очага и враждебным окружением внешнего мира. Дополненная любовной тематической коннотацией поэтика стихотворного «воспоминания» структурирует в своем основании мотивный композит валеты, который удерживается в памяти при помощи использования стилистических повторов. Взаимосвязь представленных мотивно-образных сегментов в структуре целого стихотворного «воспоминания» определяется их способностью участвовать в отображении основных сущностно-интенциональных свойств анамнестической рефлексии, реализующейся в концептуальном диапазоне – от желания испытать ностальгию по детским годам и родным местам до стремления повторить ощущение любовного томления в обстоятельствах разлуки.

Как показал анализ художественных текстов, идентифицируемых стихотворным «воспоминанием», выявленные в ходе исследования жанровые атрибуты в конкретном случае могут иметь вариативное применение, обусловленное спецификой индивидуально-авторского стиля и историко-литературным контекстом эпохи, на чем автор подробно не останавливался, поскольку это выходит за рамки данной работы.

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. М., 2009.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2005.
3. Байбури А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
4. Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995.
5. Бунин И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1888–1952; Переводы. М., 1987.
6. Глинка Ф.Н. Избранное. Петрозаводск, 1949.
7. Жияков С.В. Структурно-типологическая взаимосвязь идиллии и стихотворного «воспоминания» (на примере произведений русской лирики) // Автор–текст–читатель: теория и практика анализа: Сб. ст. Калуга, 2020. С. 381–394.
8. Зырянов О.В. Пушкинская феноменология элегического жанра // Известия УрГУ. 1999. № 11. С. 5–12.
9. Иванюк Б.П. Жанровая репрезентация времени в мировой поэзии (опыт системного описания) // Антропология времени: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1. / под ред. Т.Е. Автухович и др. Гродно, 2017. С. 95–104.
10. Кузмин М.А. Стихи и проза. М., 1989.
11. Остин. Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Сб. ст. М., 1986. С. 22–130.
12. Рильке Р.М. Новые стихотворения М., 1977.
13. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001.
14. Русская поэзия XIX века Т. 2. // Библиотека всемирной литературы. Т. 106. М., 1974.
15. Русские народные песни / сост. и введн. тексты В.В. Варгановой. М., 1988.
16. Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: в 2 т. Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2004.

17. Толстогузова Е.В. Элегия: затянувшееся послесловие к истории жанра // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2009. № 3(7). С. 5–11.
18. Трофимов К.Б. Сказки и легенды. Старый Оскол, 2018.
19. Тюпа В.И. Генеалогия лирических жанров // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2012. № 4. С. 8–31.
20. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М., 1974.
21. Шмаков Г.Г. О некоторых чертах пространственно-временных отношений в поэзии XX века и об особенностях ее восприятия // *Михаил Кузмин и русская культура XX века: сб. тезисов и материалов конференции*. Л., 1990. С. 8–10.